

Анна Боскетти

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ЦЕЛИ И ДОСТИЖЕНИЯ ПОДХОДА ПЬЕРА БУРДЬЕ

Как объяснить, почему в работах Пьера Бурдьё — социолога, который не специализировался на изучении литературы, а стремился создать общую теорию социального мира — исследования и размышления о литературе занимают столь важное место? Почему он уделял так много времени и внимания предмету, который в социологической традиции считается маргинальным? Статья стремится обозначить условия возможности и теоретические ставки этого выбора, свидетельствующего о научной беспристрастности П. Бурдьё. Этот социолог бросил вызов как господствующей в социологии иерархии предметов исследования, так и предрассудкам и способам защиты, которые используют «гуманитарии», чтобы предотвратить вторжение социальной науки на их территорию, веками освящаемую культом творения и художника.

How can one explain the very important place that Literature holds in Pierre Bourdieu's work? His interest in art and literature may appear somewhat surprising and improbable if one considers that for Bourdieu the sociology of culture, in the strictest sense of the term, was just one aspect of a much vaster project: a general theory of the «social world». The purpose of this article is to recall the theoretical relevance of Bourdieu's researches about literature and the context (the state of the French intellectual field) which made them possible. This choice indicates a high degree of scientific autonomy as it defies the hierarchies of the sociological field (where literature is a marginal object) as well as strong resistances of literature's «specialists», in whose eyes literature tend to remain a sacred thing, which can not be explained as a social product.

Пьер Бурдьё уделял много внимания и труда анализу литературы. Понятие поля зародилось и получило развитие в его исследованиях, относящихся к литературе, поэтому именно в «Правилах искусства» [1] нужно искать наиболее полное и систематическое изложение теории поля. Значение этих исследований тем более велико, что П. Бурдьё намеревался создать общую теорию, где социология культуры в узком смысле была бы лишь одним из элементов.

Прежде всего, необходимо объяснить, почему именно литература стала объектом исследования. Что сделало возможным этот на первый взгляд маловероятный выбор? Постараюсь ответить на этот вопрос, применяя к П. Бурдьё его же собственную теорию —

как своего рода дань уважения, единственную, которую он, по-видимому, принял бы. Несомненно, он думал и о себе, когда писал в связи с Мишелем Фуко, что активное и нефетишистское использование какого-либо автора возможно лишь в том случае, если стремятся воспроизвести усилия, посредством которых формировалась его мысль, *вместе* с другими и *против* других подходов [2, р. 13–18].

Согласно теории поля, любая мысль в какой-то мере обусловлена обстоятельствами, что отнюдь не обесценивает ее познавательного значения. И если я собираюсь представить здесь интеллектуальный контекст начала 1960-х годов, в котором зародились исследования поля литературы, то не потому, что мне хочется приуменьшить их оригинальность и значение, а потому, что для адекватного понимания этих исследований необходимо знать контекст и уметь выделять их характерные особенности и трудности. Остановлюсь лишь на самых важных с моей точки зрения.

Во-первых, необходимо принимать во внимание не только социологию. П. Бурдьё переопределил саму профессию социолога, внося в нее два требования, которые большинство французских социологов в 1960-е гг. привычно относили к философам: претензия на всеобщность и эпистемологическая рефлексия. Интегрировав наряду с этим проблематику и достижения структурной антропологии и лингвистики, он выработал свою позицию одновременно как по отношению к философии, так и по отношению к социальным наукам.

Во-вторых, в силу стремительного развития социальных наук иерархия и отношения между ними также оказались объектом радикальных изменений.

В-третьих, в тот период для большинства находившихся на авансцене интеллектуалов именно теория литературы была местом споров и столкновений. Это пристальное внимание к литературе может удивить иностранного наблюдателя. Однако именно здесь мы находим особенности, связанные с хорошо известной спецификой французской истории. Дело в том, что традиционно наиболее престижной социальной формой для интеллектуала во Франции является не роль эрудита или ученого, а положение писателя, как это замечал еще Эмиль Дюркгейм в «Эволюции педагогики во Франции» [3].

В силу определенных исторических условий французское общество как некое другое придавало сакральный смысл фигуре писателя и литературному творчеству. Этим объясняется тот интерес, который французские интеллектуалы и особенно философы проявляют к литературным и художественным произведениям, зачастую выбирая стиль письма, близкий к литературному.

Бесспорно, эта модель закрепилась с появлением образа философа-писателя в лице Ж.-П. Сартра. В 1957 г. он опубликовал знаменитое эссе «Проблемы метода»*, где он изложил основания подхода, претендующего одновременно на преодоление как литературной критики, вдохновленной психоанализом, так и социологии культуры, представленной в тот момент работами Дьердя Лукача и его французского ученика Люсьена Гольдмана. Ж.-П. Сартр предлагает две равно замечательные практические иллюстрации своего подхода в автобиографии «Слова» и в работе о Гюставе Флобере «Идиот в семье», первые отрывки из которой были напечатаны в 1966 г.

Литература была очень важна для всех знаменитых структуралистов того времени**. В первой половине 1960-х гг. литературные теоретические разработки, вдохновленные лингвистикой, вторгаются во французское интеллектуальное поле, где до тех пор

* Это эссе [4] Ж.-П. Сартр опубликовал впоследствии как введение к книге «Критика диалектического разума».

** В 1964 г. Жиль Делез публикует работу «Пруст и знаки», название которой указывает на желание присоединиться к семиологической ортодоксии. Мишель Фуко в 1963 г. публикует работу «Раймон Руссель».

исследования литературы делались либо в духе лансонизма*, все еще господствовавшего в университетском мире, либо в духе первых опытов обновления, вдохновленных психоанализом, марксизмом и идеями Ж.-П. Сартра, высказанными в его критических эссе [5].

В работах «Homo Academicus» [6] и «Правила искусства» Бурдьё объясняет причины увлечения «гуманитариев»** лингвистикой. В то время обращение к лингвистике могло легитимировать гуманитарные дисциплины, которым угрожали быстро развивавшиеся социальные науки. «Гуманитарии» ссылались на престижный пример Клода Леви-Строса, чтобы сразу приписать лингвистике статус универсальной теоретической модели, чаще всего не заботясь ни о действительном изучении позиции Фердинанда де Соссюра и его последователей, ни о проверке эпистемологических предпосылок совершаемого переноса, ни уж тем более о проведении строгого и последовательного анализа.

Для Ф. де Соссюра оппозиция язык/речь была всего лишь методологическим решением, позволявшим рассматривать язык как систему независимо от ее эмпирического использования. Но Р. Барт, Ц. Тодоров и Ж. Женетт абсолютизировали эту оппозицию между литературным и референциальным языками, утверждая, что текст является совершенно автономным объектом, требующим исключительно имманентного подхода. Очень быстро этот постулат стал общепринятым, и к нему явным образом присоединился Мишель Фуко в своей работе 1966 г. «Слова и вещи» [7].

Позиция П. Бурдьё

Необходимо учитывать позицию П. Бурдьё в то время. Это момент, когда, вернувшись из Алжира, он начинает поразительную по своим масштабам работу, в основе которой лежит стремление разработать общую теорию социального мира, включающую теорию самого социологического знания. В намерения П. Бурдьё также входит раскрытие роли символического в конструировании и функционировании социальной реальности. В кабилском обществе, каким оно было проанализировано Бурдьё, главным капиталом, легитимирующим социальный порядок, был символический, связанный с представлениями о «чести». В современной Франции воспроизводство символического порядка гарантируется культурным капиталом. Это значит, что необходимо изучать способы создания и передачи культурного капитала, в частности, систему образования, отношение к культуре и языку. Говоря словами Бурдьё, это «неотъемлемо» политический и научный проект. Исследования Бурдьё и сотрудников его Центра выявили силовые отношения, скрывающиеся за отношениями смыслов, открыли функции воспроизводства и легитимации различий и, как следствие, отношения символического насилия, которое может осуществлять культура. Главный инструмент, на который опирается это насилие — харизматическая концепция искусства и литературы.

Итак, цели работ Бурдьё, посвященных посещению музеев, эстетическим диспозициям, искусству, литературе и философии, диаметрально противоположны получению выгод от прославления и самопрославления, которые приносили властителям дум того времени исследования такого рода объектов.

* Лансонизм — направление во французской литературной критике, от имени профессора Сорбонны Гюстава Лансона, опубликовавшего в 1895 г. «Histoire de la littérature française». Эта работа более полувека определяла преподавание литературной критики во французском среднем и высшем образовании. — *Прим. перев.*

** Я употребляю понятие «гуманитарий» вместо выражения, которое нужно использовать для обозначения категории людей, специализирующихся на производстве дискурса об искусстве и литературе. Для обозначения этой категории не существует специального термина, что не случайно.

Бурдые желает подвергнуть эти «сакральные» объекты социологической объективации. Это трудное предприятие, имеющее немного шансов быть понятым и одобренным, поскольку мало найдется представлений, которые были бы столь же повсеместно приняты и столь же сильно интериоризированы, как сакральное представление об искусстве. Сама традиция гуманитарных наук далека от того, чтобы полностью принять идею научного объяснения культурных продуктов, считая, что они требуют особого понимания. Бесспорно, именно этот момент в работах Бурдые послужил причиной неприязненного отношения к нему, поскольку он вызывает неприятие как образованной публики, извлекающей пользу из престижа культуры, так и обделенных, являющихся жертвами этого культа.

Поэтому становится понятным страдание, пронизывающее вступление к «Паскалевским размышлениям»: «Сознавая все ожидания, которые я вынужден был нарушить, все неоспоримые догмы “гуманистической точки зрения” и “художественной” веры, которым был обязан бросить вызов, я часто проклинал судьбу (или логику), заставившую меня совершенно сознательно избрать такую печальную участь — начать борьбу, проигранную, быть может, с самого начала, против несоизмеримых социальных сил, таких как давление мыслительных привычек, интересов познания, культурных верований, завещанных нам несколькими веками литературного, художественного и философского культа, имея в своем распоряжении только оружие рационального дискурса» [8, p. 15].

В этой работе по объективации не было ничего разрушительного. Бурдые очень хорошо чувствовал литературу и искусство. Работы, которые ему нравились, он считал великими достижениями человечества и видел в них специфические формы познания. Проведенный им анализ этих произведений указывает, что он был способен на профессиональное, глубокое и очень тонкое понимание. Его усилия по объективации направлялись не ненавистью к культуре, но наоборот, необходимостью бороться за универсализацию условий доступа к науке и культуре, выявлять механизмы, препятствующие этому. И в частности, необходимостью разоблачить культ, объектом которого является культура, и произвольность этого культа.

Эта борьба казалась ему особенно важной после жизни в Алжире. По возвращении в Париж, несомненно, он был поражен тем, каким успехом в области культуры и литературы пользуются легковесные теории, запущенные торопливыми претендентами, узурпировавшими звание ученого. Интеллектуальный мир, самый престижный в так называемом цивилизованном мире, функционировал так же, как традиционное общество, которое Бурдые только что оставил. Французские интеллектуалы были жертвой верований, тем более опасных, что они оставались не признанными как таковые, Бурдые же считал их светскими формами религиозных установок.

Несомненно, он воспринимал это как дело, необходимое ради общественного спасения. Надо было нейтрализовать эти неподверженные сомнениям воплощения «опиума для народа». Успех тех, кто смешивает науку и веру, ослабляет позицию науки, поскольку препятствует признанию строгого научного исследования и распространению научного габитуса*. Из этого становится понятным то неистовство, с которым Бурдые всегда разоблачал различных лжеученых, приклеивая им убийственные ярлыки, вроде «доксософ» или «*fast thinker*».

* Это требование раскрыть смертельную опасность, которую представляют собой подделка и фальсификаторы, проявляется во всех полях, отвоевавших строгое представление об автономии, особенно со стороны наиболее легитимных агентов. Так, неслучайно в центре одного из самых важных рассказов Аполлинера «Убитый поэт», написанном в 1914 г., судьба гонимого поэта, убитого ложными властителями дум. Этот образ возвращается почти сто лет спустя в работе современного писателя Оливье Кадью, который тоже защищает концепцию требовательного и автономного дела [9].

Наука не может бороться с верованиями, не создавая науку о верованиях. Принимаясь за этот проект, Бурдьё явным образом рассматривал себя как продолжателя исследований родоначальников социологии по религии и магии. Он анализировал основания переноса модели с религии на культуру. Его эпистемологическая подготовка позволила ему быть осмотрительным, чтобы избежать чрезмерного использования аналогии, которое он вменял в вину К. Леви-Стросу, опубликовавшему в 1972 г. «Тотемизм сегодня».

В самых первых работах П. Бурдьё, посвященных социологии культуры и интеллектуалов, можно наблюдать это постоянное движение от понятия священного в примитивных обществах к понятию священного в цивилизованных обществах. На это явно указывает название статьи «Социологи мифов и мифы социологов», написанной вместе с Жаном-Клодом Пассроном в 1963 г. и опубликованной в «*Les Temps modernes*» [10].

Данный текст является очень важным показателем интересов П. Бурдьё того периода. С момента возвращения во Францию, это первая статья, посвященная не Алжиру. Она обращается к актуальным тогда производителям пророчеств, особенно к фигуре Эдгара Морена и других «масс-медиаологов», которые очень смело рассуждали о медиа, массах и судьбах цивилизации. Место публикации тоже было выбрано не случайно — журнал Ж.-П. Сартра был в то время святая святых веры интеллектуалов.

В 1966 г. этот же журнал публикует «Интеллектуальное поле и творческий проект» — первый текст, где появляется понятие поля. Этот номер «*Les Temps modernes*», посвященный структурализму, хорошо указывает на новое отношение сил, установившееся между лагерями Ж.-П. Сартра и К. Леви-Строса.

В статье П. Бурдьё косвенно содержится критика этого столкновения старых и новых верований. Если он и берет сартровское понятие «творческий проект», то только затем, чтобы разрушить его, показав, что выбором агентов управляют позиции, и что разногласия традиционных и новых критиков (Р. Пикар и Р. Барт) подчиняются той же логике, что и отношения между священниками, пророками и магами, описанные М. Вебером.

Эта же стратегия разрушения мифов лежит в основе его выступления «Высокая мода и высокая культура», сделанного в 1974 г. Выбор темы моды для анализа культуры П. Бурдьё объясняет следующим образом: «Именно легитимность этих легитимных объектов защищает их от научного взгляда и работы по десакрализации, которую необходимо осуществить в ходе исследования, чтобы понять эти сакральные объекты». И в скобках он добавляет: «Я думаю, что социология познания, к которой я собираюсь сегодня обратиться, может рассматриваться как социология религии нашего времени» [11, р. 1–2, 7–17; 12, р. 196–206].

Перевернув схему, П. Бурдьё объективировал операцию, осуществленную Р. Бартом в «Системе моды» [13], опубликованной в 1967 г., Р. Барт прославляет культуру и свою концепцию, утверждая, что мода и литература являются всего лишь системами языка, объясняющимися одной и той же герменевтической моделью. П. Бурдьё же показывает, что культура подчиняется тем же структурным законам, что и рынок самых недолговечных и двусмысленных товаров, каким является мода.

Знаменательно, что первый номер своего журнала П. Бурдьё открывает переработанным вариантом этой статьи «Кутюрье и его марка» [14]. Эта статья сопровождается манифестом «Научный метод и социальная иерархия объектов» — текстом, ниспровергающим законы жанра, поскольку вместо того, чтобы акцентировать масштаб своих теоретических амбиций, он указывает на необходимость поставить под вопрос иерархии научных объектов и дисциплин, в основе которых лежат не эпистемологические принципы, а социальные иерархии.

Специфические теоретические преимущества теории поля литературы

Однако десакрализация не была единственной и главной ставкой работ П. Бурдьё о литературе. Необходимо учитывать собственно научное и теоретическое значение этих исследований, чтобы показать не только инструменты, которые они дали для познания литературы, но и тот вклад, что они внесли в развитие теоретических построений П. Бурдьё.

Обратимся, прежде всего, к понятию поля. С моей точки зрения, генезис этого понятия не случайно связан с исследованиями литературы и искусства. Ни один другой объект не ставил перед социологом столь настойчиво те проблемы, что позволяет решить понятие поля, а именно, объяснение собственно технических или формальных свойств самих произведений. Эта проблема была камнем преткновения для социологии культуры, как ее понимали основные представители марксистской традиции: Д. Лукач, франкфуртская школа, или такие историки искусства, как Ф. Антал и А. Хаузер. Никому из них не удалось объяснить специфические характеристики культурной продукции, поскольку они хотели свести свойства произведений к экономическим и идеологическим интересам агентов (либо авторов, либо заказчиков, либо потребителей).

Понятие поля преодолевает этот недостаток, давая инструменты, позволяющие анализировать систематическим образом главное следствие разделения труда. П. Бурдьё выдвигает гипотезу: если мы хотим объяснить характеристики культурных продуктов, нужно учитывать то, что их связывает со специфической структурой и функционированием того поля, где они производятся.

Эта гипотеза позволила преодолеть ложную оппозицию между внутренним и внешним, между структурой и историей, т. е. тот самый раскол теоретиков искусства и литературы на два противоборствующих лагеря, мешающий им соединить их знания. Проводя систематический анализ отношений позиций производителей, процесса производства, свойств продуктов и их социального образа, теория литературного поля впервые позволила дать удовлетворительное объяснение эволюции литературных форм и иерархии ценностей.

Трудности, с которыми столкнулся П. Бурдьё при формировании своей новой концепции, наглядно демонстрируют, какие нужно было приложить усилия, чтобы разорвать с мыслительными схемами, старыми, как сама история мышления. П. Бурдьё сам признает, что его первый набросок (статья 1966 г.) все еще не выходил за рамки интеракционизма, свойственного веберовскому подходу. Решительный шаг вперед состоял в применении структурного видения, позволившего преодолеть биографическую и финалистскую перспективу.

Другие специфические свойства поля литературы делают эту область с точки зрения теории особенно интересной.

Например, важен тот факт, что «символическая экономика» играет в этом мире еще более заметную роль, чем в других пространствах, изученных П. Бурдьё. Отрицание отношений силы и экономического интереса приводит к формированию дуалистической структуры, которая здесь гораздо заметнее, чем в других полях. Наиболее автономный полюс стремится функционировать как перевернутый мир, как антиэкономическая экономика, для которой свойственны принципы, институты, агенты, иерархии и ставки, диаметрально противоположные тем, что характерны для гетерономного полюса, где решающая роль принадлежит логике рынка.

Еще одна характеристика, заслуживающая внимания: поле литературы представляет собой достаточно слабо институционализированное пространство, а потому представляет преувеличенный образ символической борьбы и ее механизмов.

Итак, поле литературы выступает особенно удобным предметом исследования для теории, которая стремится опровергнуть как неадекватную любую экономическую и утилитаристскую антропологию. Оно предоставило П. Бурдьё исключительный случай, позволяющий продемонстрировать, что символическая экономика не является простым

метафорическим переносом экономики экономистов. Поле экономики — не более чем частный случай, где можно наблюдать как инварианты, общие для других полей, так и специфические свойства, требующие генетического анализа.

Литературный мир хорош еще и тем, что предоставляет удивительно богатый документальный материал. Бесспорно, он оставляет больше всего следов и информации, поскольку культ гения и творчества в течение многих веков стимулировали создание и передачу неиссякаемых фондов воспоминаний, свидетельств, историографических, критических работ и интерпретаций, дополняющих тексты писателей.

Таким образом, можно значительно более полно и глубоко воссоздать поле литературы и его функционирование, чем это допускают другие поля. Перспективы исследования истории литературы здесь радикально видоизменены и расширены, поскольку теория открывает дорогу для исследования институтов, агентов и механизмов, вовлеченных в процесс создания, циркуляции и освящения литературных произведений.

В то время как традиционная история литературы занималась только писателями, взятыми совершенно изолированно, исследования, вдохновленные П. Бурдьё, учитывают и другие категории (критиков, историков, издателей, журналистов, меценатов, читателей, преподавателей), каждая из которых, в свою очередь, анализируется как поле, в котором необходимо вычленил специфические характеристики. Эти работы по-новому освещают функционирование и других инстанций посвящения: кружков, клубов, журналов, групп, литературных объединений, системы образования, академий. Они позволяют обнаружить закономерности, некоторые общие механизмы и одновременно выделить специфику, связанную с исторической ситуацией.

Эти исследования подтверждают главный момент теории, роль которого играет гипотеза о структурной гомологии между различными пространствами. Эта гипотеза позволяет объяснить согласованность, спонтанно устанавливающуюся на всех уровнях между позициями агентов, продуктами и системами представлений*. Одновременно данное предположение позволяет обосновать обобщение этого исследовательского опыта и его перенос на другие поля.

Работы по истории французского поля литературы позволили П. Бурдьё выдвинуть еще одну гипотезу, по-новому объясняющую возникновение формалистских и эссенциалистских концепций. Они навязывают формализм для анализа юридического поля, экономизм — в экономических теориях, структурализм — в лингвистике и антропологии, тезис «искусство для искусства» — в художественном поле, а также миф о «чистой» науке.

Согласно Бурдьё, самореферентное функционирование, описываемое этими теориями, а также вытеснение истории, выражением которого они являются, становится возможным благодаря процессу автономизации полей культурного производства. Именно этот процесс сделал возможным появление такого персонажа, как интеллигент, наделенный социальным престижем и независимостью, необходимыми, чтобы попытаться навязать политике уважение к универсальным ценностям, от имени которых он выступает.

Обстоятельства, препятствующие распространению теории

«Защити меня от моих друзей, а со своими врагами я разберусь сам». Бесспорно, П. Бурдьё думал о себе, когда цитировал эти слова Генриха IV по поводу посмертной судьбы работ

* Об этом сложном понимании поля производства см. третью главу («Рынок символических благ») в [1]. В качестве примера плодотворного применения подхода, предложенного П. Бурдьё, можно указать четырехтомную книгу «История французского издательского дела» (L'Histoire de l'édition française. Paris: Promogis). Один из издателей этого замечательного коллективного труда, который произвел революцию в анализе истории книги и издательского дела, Роже Шартъё, является одним из наиболее близких к Бурдьё историков.

Мишеля Фуко [2, р. 17]. Мне кажется, что его опасения по поводу судьбы «науки о произведениях», которую он стремился создать, были совершенно оправданы. История науки показывает, что не существует силы, внутренне присущей истинной идее. Распространение теории П. Бурдьё в изучении литературы и искусства встречает множество препятствий.

Даже внутри его «школы», те, кто занимается литературой, с трудом признаются другими как социологи. Примера П. Бурдьё не достаточно, чтобы преодолеть сопротивление, связанное с социальной иерархией объектов и историческими границами дисциплин. Большинство социологов, даже те, кто близок к Бурдьё, чувствительны к гетерономной логике, в соответствии с которой важными проблемами считаются те, что принимаются за таковые политиками и экономистами.

Подозрительность социологов объясняется еще и тем, что социология, утверждая себя в качестве науки, определялась через противопоставление как гуманитарным дисциплинам, от которых она отделилась, так и их предметам. Это приводит к тому, что социологи начинают смешивать научность и использование количественных методов, в силу чего работы по исследованию литературы имеют больше шансов быть признанными в качестве научных, если они поддаются «оцифровке»*.

Эта установка усвоена и присвоена многими исследователями, изучающими поле литературы: большинство их работ опирается на те данные, которые легче всего представляются как статистические, т. е. на информацию относительно производителей и институтов. Очень редко эти работы обращаются к анализу собственных характеристик произведений. Так мы рискуем потерять то, что является главной ставкой в теории поля литературы — преодоление ложной альтернативы «внешнего» и «внутреннего» анализа, благодаря которому становится возможной настоящая «наука о произведениях».

Главное препятствие тому, чтобы эта теория заработала в полную силу, заключается в необходимости крупных инвестиций: чтобы объяснить характеристики текста и автора, нужно определить их позиции в соответствующих пространствах, эмпирически восстановить генезис, конфигурацию и функционирование всех этих пространств. В пределе это бесконечная работа. Единственный анализ случая, проведенный П. Бурдьё — его Гюстав Флобер — во многих отношениях оказывается наброском, задающим направления работы. Он не закончил свою работу о Эдуаре Мане, которому посвятил длительное и очень кропотливое исследование. Эта научная концепция требует от исследователей большой самоотверженности, времени и очень широкой компетенции. Стоит ли добавлять, что она совершенно не ценится гуманитариями, входящими в жюри университетских конкурсов. И даже наоборот — выступает серьезным препятствием в академической карьере.

В действительности, гуманитарии весьма скверно восприняли «Правила искусства» — за исключением тех, кто уже был «обращен». Комментаторы даже не были заинтересованы в том, чтобы понять предложения П. Бурдьё и опровергнуть их. Они поторопились свести его позицию к одной из версий пресловутой теории отражения, если только не сразу отказывали в легитимности социологическому изучению литературы. В то время как интерес философов к литературе всегда благосклонно приветствовался, относительно социологии литературы, пусть даже доказавшей свою строгость, утонченность, эрудицию и эвристическую силу, любой гуманитарий считает себя в праве *a priori* отринуть любой ее анализ как вульгарный, наивный и редукционистский.

Это сопротивление вызывается сильными структурными причинами. Гуманитарные исследования сегодня — как никогда ранее — немощны до чрезвычайности. Очень слабо формализованные инструменты этой не-дисциплины представляют собой эклектичный набор

* Бурдьё по этому поводу цитирует замечание Э. Кассирера [15], указывая, что кембриджская школа иронизировала по поводу *morbis mathematicus*.

средств, позаимствованных из арсеналов других дисциплин: филологии, лингвистики, истории, психологии, философии, социологии, антропологии, т. е. опасных конкурентов, тоже занимающихся литературой. Вся проблема в том, что гуманитарии могут легитимировать свое существование, лишь отгородившись от других дисциплин.

Отсюда становится понятным тот консенсус по поводу принципа теоретического и методологического плюрализма, свойственный гуманитарной доксе, которая ссылается на полисемичность текста и множественность его планов. Этот плюрализм предполагает релятивистское отношение и гибельный отказ от фундаментальной научной установки — поиска наиболее адекватного объяснения. Многие гуманитарные исследования отказываются от фундаментальных научных посылок: от идеи, что социальный мир не есть простое представление, и что он познаваем, хотя всегда во временной форме, допускающей пересмотр; от принципа достаточного основания, согласно которому явления подчиняются своим внутренним закономерностям, которые наука должна выявить с помощью согласованных гипотез и эмпирической проверки.

Школьный отбор вносит свой вклад в то, что в область гуманитарных исследований направляются студенты, исключенные из научных специальностей по причине отсутствия у них необходимых научных диспозиций. Это означает, что появление в гуманитарной области агентов, наделенных научным габитусом, очень маловероятно. И наоборот, эта неопределенная дисциплина привлекает тех, кто заинтересован в сохранении существующего культа искусства и жрецов искусства и в том, чтобы представлять самих себя скорее творцами, нежели учеными. Именно потому пространство производства дискурса об искусстве поощряет не тщательность и скромность, свойственные научной работе, а стремление к оригинальности любой ценой и к быстрым прибылям, которые она может обеспечить.

Гуманитарии, признающие пользу теории П. Бурдьё, не настолько хорошо вооружены, чтобы противостоять логике поля и давлению их профессионального габитуса. Поэтому они часто прибегают к стратегиям двойной игры, позволяющим накапливать выгоды от наследования и выгоды от различия. Достаточно не показывать заимствования и изменить терминологию, не заботясь о том, насколько она соответствует корпусу гипотез, составной частью которых является.

Не принимаемая как социологами, так и гуманитариями, зажата между двумя полями, наука о произведениях культуры встречает столько препятствий на своем пути, вынуждена защищать себя от такого количества внешних и внутренних врагов, что у нас появляются сомнения, сможет ли она развиваться, сможет ли заставить признать свои результаты и найдет ли сторонников, обладающих необходимыми диспозициями. В этой связи П. Бурдьё говорил о «невыполнимой миссии», но добавлял: «В конце концов <...> именно этот феномен надо стремиться понять и объяснить» [16]. Как известно, история науки полна людьми, которые были увлечены недостижимыми целями. Поэтому то внимание, которое Пьер Бурдьё уделял литературе, является, бесспорно, лучшим доказательством его научной страсти.

Перевод с французского Ю.В. Марковой

Литература

1. Bourdieu P. Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Paris: Seuil, 1992. (На русском языке опубликован отрывок из этой книги. См.: Бурдьё П. Поле литературы / Пер. с франц. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.)
2. Bourdieu P. Qu'est-ce que faire parler un auteur? A propos de Michel Foucault // Sociétés et représentations. 1996. Novembre.

3. Durkheim E. L'йvolution pйdagogique en France. Paris: PUF, 1990.
4. Сартр Ж.-П. Проблема метода / Пер. с франц. В.П. Гайдамака. М.: Прогресс, 1993.
5. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / Пер. с франц. С.Н.Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001.
6. Bourdieu P. Homo Academicus. Paris: Ed. de Minuit, 1992.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977.
8. Bourdieu P. Mйditations pascaliennes. Paris: Seuil, 1997.
9. Cadiot O. Retour dйfinitif et durable de l'кtre aimй. Paris: POL, 2002.
10. Bourdieu P., Passeron J.-C. Sociologues des mythologie et mythologie de sociologues // Les Temps modernes. 1963. № 211. P. 998–1021.
11. Bourdieu P. Haute couture et haute culture // Noroit (Arras). 1974. № 192.
12. Bourdieu P. Questions de sociologie. Paris: Йd. de Minuit, 1980.
13. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры: Пер. с франц. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
14. Bourdieu P., Delsaut Y. Le Cuturier et sa griffe: contribution a une thйorie de la magie // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. № 1. P. 7–36.
15. Cassirer E. La Philosophie des lumiыres. Paris: Fayard, 1966.
16. Bourdieu P. Le critique et le point de vue de l'auteur. Communication au Colloque sur «L'йuvre et son ombre: que peut la littйrature secondaire?». Paris: Fondation Hugot du Collige de France, 24 novembre 2000.